

DRUZHBA

Дания
Жанси

INSPIRIA
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж31

*Работа над текстом частично велась
в резиденции Дома творчества Переделкино.*

Иллюстрация на обложке Хайбулловой Гузель

Жанси, Дания.
Ж31 DRUZHBA / Дания Жанси. — Москва : Эксмо,
2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-229069-5

DRUZHBA — это история о море, языке, любви и поэзии, которые не умирают, а уходят и приходят, иногда через десятки или сотни лет. В романе представлены две параллельные истории. Одна: татарского журналиста и поэта из Казани начала XX века, который живет лишь стихами о любимой и сказочном изобильном Синеморье, куда та вот-вот уедет. Вторая: молодого юриста из Москвы 2000-х, который грезит статусом адвоката, но находит новую мечту в бывшем порту Аральского моря Муйнаке. Их связывает возлюбленная одного и бабушка другого, а еще стихи и море.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229069-5

© Жанси Д., текст, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Казань, Российская Федерация, 2017 год

— Как-то в детстве мама перестала отвечать, когда я звала ее «мама».

Эвелине надо выговориться, а я слушаю, радуюсь, что вижу ее наконец как человека со своей историей, не воспринимаю через призму собственных эмоций и желаний. Если целое море уходит, то любые чувства тем более. Хотя в самой глубокой части оно и остается, прозрачное — сразу всех цветов — и тихое. Пью кофе, киваю, пытаюсь узнать в бывшем своем центре мира девчущку, которую видел лет пятнадцать назад.

— Она тогда решила приучить меня звать ее *эни́*. Поэтому мамы у меня с раннего детства, можно сказать, не было, была *эни́*.

Понятно, отсюда и ее показная нелюбовь ко всему татарскому, и извечные подружки на былых наших встречах. Неустойчивое развитие. Не знаю, что сказать, поддакиваю:

— Бедная девочка Эвелина.

— Нет, ну ты представляешь? Я, только когда сама стала мамой, поняла, какая это все же дичь. Хотя ладно,

Дания Жанси

есть у них тут, интересно, безлактозные десерты? — Опять перелистывает меню.

Стала мамой. Про свою семью пока не говорила. Про Нодиру и наших двух мальчишек откуда-то знает, сразу же с ними поздравила, у нас и третий на подходе, то есть третья, девочка. Смотрю на руки, они не такие тонкие, как я помнил, и по-прежнему много колец. Одно на безымянном пальце левой руки, но скорее помолвочное, чем обручальное. Надеюсь, она нашла свое счастье. Музицирование оставила, риелтор из Дубая. Ладная вся, глянцева, но неловкости с ней нет, как будто вчера виделись.

— Стала мамой, не *эни*? Сколько лет, мальчик, девочка?

— Ну уж нет, мамой, — смеется. — Малышке Алие уже четыре годика, она у родителей в Казани в основном и живет. Кстати, назвала в честь твоей бабушки тоже. И прими соболезнования, тебе тяжело сейчас, да?

— Спасибо, я в порядке. Видишь, ты уже и утешаешь меня рассказами и историями, как раньше.

Действительно, только Эвелине придет в голову безостановочно щебетать о своем через секунду после моей новости о смерти папы. И я вправду хотя бы немного отвлекся в первый раз за последние дни. Что же, забавно, значит, наших дочек будут звать одинаково.

— Мальчишку Сунчеляя пока не планируешь?

— Не-а, — смеется громче, что-то необычное в мимике, — с поэзией тема закрыта.

— А музыку совсем не пишешь теперь?

— Ой, да кому это надо. — Машет куда-то в сторону официанта и морщит носик, тоже по-новому. — Кстати,

чтоб уж точно как раньше. Может, ходим вечером на спектакль, он про татарский язык? Пластический спектакль, то есть танец. Я еще не видела, но очень хвалят, награды прочат разные, бла-бла. Он про умирание языка. Пойдем?

— Пошли, — соглашаюсь, хотя не уверен, правильно ли будет сегодня оставить маму одну, только вчера похоронили отца.

— Мой муж, ну то есть *fiancé*¹, — старательно растягивает слово и потом частит опять, — типа гражданский муж, ревновать не будет, ты не беспокойся, — подмигивает, — я много про тебя рассказывала. Хотя трудно ему понять нашу дружбу.

¹ Fiancé — жених (англ.).

Глава 1

Казань, Российская империя, 1916 год

Вот теперь Сунчеляй потерялся. Никогда еще не был он так потерян, так растерян.

Алию, *jan kisekkeét*, частичку души его, отдавали теперь за Акбара. За грубого, неотесанного Акбара, самого дремучего шакирда¹ и неумоимого подхалима в их бывшем медресе. Несмотря на молодой еще возраст, шея у соперника была толстой и гнутой, так, что взгляд всегда устремлялся от неба вниз, к пустой зубрежке и яствам. Как почти у всех их старометодных² закаменелых учителей. Может, поэтому Акбара и возвели в муллы еще в двадцать четыре? И отдавали ему через год драгоценность, нежный цветок Алию...

Хотя нет, Акбар этот был мощен, красив, умен, хваток. Поцелованный Всевышним. Не криви душой, Сунчеляй, *iptesh*³, успевай ты хотя бы наполовину так же хорошо,

¹ Шакирд — учащийся медресе.

² В начале XX в. исламское образование разделилось на старометодное, основанное на традициях (кадимисты), и новометодное, с новаторскими методами обучения (джадиды).

³ Ипте́ш — приятель (*татар.*).

никогда бы не оставил учебу в медресе. Не обманывай себя. И учитель Абу Бакр-хаджи¹ радовался бы твоим, а не Акбара, свершениям, и дочь свою Алию, *in yaratkan kuzyu*², обещал бы именно тебе.

— И, Аллá!

Тонкая вспышка настоящего, боли — прищемил палец, приставляя две большие литеры, *alef* и *ta*³, к заголовку текста. В большой полуподвальной комнате света почти нет и днем, две-три тусклые лампы да шум с Сеной. Ночью так же, только сплошная тишина, и он один во всем мире. Сунчеляй уже несколько часов расставляет витые железные литеры в заготовки страниц. Одна буква за другой вверху каждой формы. Много отрывных страниц настенных календарей: про урожай, гигиену рук и рта, красивые здания в далеких краях, народные песни. В тексты, которые набирает или правит, часто теперь не вчитывается. Сегодня тоже.

Все делается тусклым, ненужным. И стихотворения, и борьба, и газета, где Сунчеляй работает днем, одна из первых на татарском языке. И слова. Набор затасканных литер.

Работа идет медленнее. Хотя пораненный палец совсем не кровоточит, он постоянно задевает железные рамы и когда-то острые буквы, напоминает о себе, ноет. Хватит на сегодня, пора домой.

¹ Обращение «хаджи» могли использовать, если человек посетил Мекку.

² Иң яраткан кызы — самую любимую девочку, дочку (*та-тар*).

³ *Aléf, ta* — транскрипция букв арабского алфавита, который до 1927 г. использовался в татарском и других тюркских языках.

Сунчеляй открывает входную дверь и, повернув фитилек, гасит лампу. В ночи базарная площадь молчит, торговые лавки стелются по улице до горизонта, спят. Свет падает от луны и откуда-то с русской части, кажется с Проломной. Там наверху, в центре, все улицы и дома давно уже освещаются электричеством. В татарской части света пока еще не так много. Его гостиница не сильно далеко, ближе к вокзалу. Неплохая гостиница, и комната просторная, без клопов. Правда, по соседству дом, как там ее, терпимости. *Faheshhaná*, на татарском получается — дом мерзости. Ох, хорошо бы получилось сегодня выспаться...

* * *

С утра опять пришла мама. I, *eniém*. Стыдно перед ней за обшарпанность мебели и комнаты, какую-то их неприкаянность. Мама одета точно европейская дама из календарей, с крошечным калфаком-рогом на голове, *megez kalfaky*¹. Она совсем не подходит этой гостинице между рынком и вокзалом, точнее, гостиница не подходит ей. Нарядной маме гулять бы по Лядскому садику в русской части. Или где-то в Париже.

— Сыночка мой...

Понятно, что опять оставит деньги. Что папа, а Сунчеляй до сих пор зовет его папой, не знает. Мама приходит не так часто, и каждый раз стопка кредитных билетов становится толще, хотя, по правде говоря, это не такая большая помощь. Третья ли, теперь уже вторая часть

¹ Мөгез калфáк (*татар.*) — калфак-рог, небольшой головной убор, не закрывающий волосы, в начале XX в. носили городские татарки.

довольствия в типографии, на оплату номера да лапшу с овощами хватает. В последний год деньги обесцениваются так быстро. Бедная мама, откуда она каждый раз берет их без ведома папы?

— Папа все поймет, сынок. Я с ним поговорю. Может, ты вернешься домой? Сложные сейчас времена...

Мама опять начинает тянуть, наматывать на Сунчеля сладкие, легкие как *talkýsh kelevé* нити. Вернись, помирись. И невольно думаешь, может, взять и съесть невесомые сахарно-медовые конусы все разом, как делал в детстве. Вернуться в аккуратный цветной домик, яркий, как леденец на базаре. Там уже недалеко и его бывшее медресе, и дом Алии, и джадидская школа для девочек, куда та бегаёт тайком к подружкам на занятия. И так он гуляет там часто, катается туда-сюда как *Kisekbash*¹ какой или Колобок, *Jomry Ikmek*².

— Мамочка моя, родная, спасибо, ты же знаешь, что не могу, — говорит, смотрит внимательно на такую исхудавшую и чуть сутулую, но красивую маму, как вздыхает еле заметно. — Папа же ясно все тогда сказал. Из газеты я не уйду. В медресе тоже не вернусь. Не получится у нас ужиться.

Неудачник, думает тут же. Плешивый парень *taz*³. Учился бы в медресе с прилежанием, не уходил в никуда, и тогда Абу Бакр-хаджи с радостью отдал бы Алию

¹ Кисекбáш — отрезанная голова, персонаж татарского фольклора и поэмы Габдуллы Тукая «Сенной базар».

² Ё м р ы и к м э к (*tatar.*) — Колобок, персонаж русской сказки.

³ Таз (*tatar.*) — человек с плешью на голове, хитрый и удачливый герой в татарском фольклоре.

за сына твоего отца, муллы из Чишмелé, и пасынка твоего отчима, торговца из Казани и Оренбурга. Вон и не самый умный Акбар из аула в Синеморье скоро станет уже сам муллой и мужем твоей любимой. *Janým*, душа моя, Алия. Или окончил бы ты, Сунчеляй, медресе худо-бедно, работал с папой, жил в большом родительском доме, строил свой. Все равно ничего не добились: ни ты, ни твои друзья. Кому нужна теперь ваша либеральная татарская газета, еще одна военная листовка на восточных языках. Пустое все. Восемь лет даром, *bushka chygu*¹.

Мама спрашивает, что ее *ulym*² обычно кушает, вздыхает опять. Говорит, попросит *bibi* принести много домашней выпечки и свежего кумыса где-то через неделю. Наверное, это когда отец уедет в Оренбург по торговым делам, чтобы не сердить его. Принесла и сейчас небольшой круглый пирог, а еще опять жестяные банки с чаем и монпансье. В этом вся мама. Сунчеляй совсем не помнит, чтобы она когда-нибудь готовила сама, только эти помощницы по хозяйству, которые менялись время от времени и каждую из которых у них дома зовут *bibi*. Удивительно, что мама при этом кормила его сама грудью, и довольно долго, лет до пяти, почти до самой кончины *etiém*, его родного отца, и невзирая на упрёки иногда. *Avyldan kebek*³, часто подтрунивал тот, хотя это он был из деревни под Оренбургом, где все тогда и жили, а мама выросла в Казани, в таком же цветном доме, в каком жила теперь. Много детей у них с род-

¹ Бушкá чыгú — оказаться напрасным (*tatar.*).

² Улým — мой сын (*tatar.*).

³ Авылдан кебек — как из деревни (*tatar.*).

ным *etí* умерло до его, Сунчеляя, рождения, да и он не отличался здоровьем.

Его такая элегантная мама долго еще сидит рядом, гладит руку, молчит, иногда только приговаривая свое *i, ulym*. Потом делится новостями. Да, папа уезжает в Оренбургский край на пару месяцев, дома и у соседей все так же, братья в порядке, *Alla saklasyn*¹, среднего Сагита все собираются женить на татарке, он все не хочет, на фронт никого из близких пока больше не забирали. Папе пришлось выкупить из своих же лавок благотворительные открытки с Его Императорским Величеством — никто уже не хочет их брать, а как объяснишь сборщикам средств на войну — вот, ютятся теперь стопки карточек дома под кроватями и в Казани, и в Оренбурге. И то лучше, чем когда мобилизованные ютились, как в самом начале войны. Еще *ulym* бы к ним вернулся... Сунчеляй хочет приобнять ее на прощание, но не знает, когда лучше и как, ждет, пока мама сама обнимет.

* * *

В газету идти сил нет. День так и выманивает на улицу ярким солнцем в окне, только листва на деревьях мечется и подвывают, шепчутся джины — значит, ветрено. *Belyásh*, который принесла мама, уже остыл. Надо поесть немного и идти в редакцию, Сунчеляй так и сидит на кровати. Комната, залитая солнцем, обнажает свою убогость, пыль, бедность.

Так не хочется в который раз подбирать слова для царских военных указов или объявлений об утерях,

¹ Аллá сакласын — да сохранит Всевышний (*tatar.*).

списков нижних чинов, раненых, убитых или пропавших. Пусть и к лучшему, что теперь стали поручать в основном переводы с русского: для настоящих статей как будто не хватает слов. Слов и ярости. Все хотят теперь от писателей и журналистов только ярости, крайностей, четкости. Сунчеляй давно уже не пишет в газету ничего толкового. Не может. Часто задумывается, не зря ли пошел в журналистику эту, ушел из медресе.

Хотя и стихотворений почти не пишет. Тех, про Казань, что прикрывается водой рек и озер, как легким чапаном¹, про женщин Татарской слободы, умных и смелых, про послушников старометодных медресе, заучивающих наизусть страницу за страницей, и их тучных мулл, любящих вкусно поесть и поколотить учеников, про джадидов-реформаторов, которые и исламское образование ведут к знаниям, свету разума, про татарских просветителей, что обучают русскому теперь и в каждом деревенском медресе, и в самых далеких краях Российской империи, про радость сближения татарской культуры с русской и европейской, про новое, про жажду нового. Все блекнет.

Только Алия, только строки про нее имеют еще какой-то смысл. *Soyaklem, yaratkanym, janym*² — сколько же слов в татарском о любимой. Хотя и прежние его стихи, и про Казань, и про революцию, все тоже были во многом про Алию. Да-да. Вот бы та сама удивилась. Через год, едва исполнится семнадцать, она станет женой Акбара, уедет далеко. А пока ее можно изредка видеть.

¹ Чапáн — верхняя накидка, халат у тюркских народов.

² Сөякләм, яратканым, жаным — любимая моя (татар., синонимы).

Сунчеляй выходит на улицу, накинув старый папин казакин, понимает, что холодно. Яркое солнце ушло куда-то, только ветер прет со всей силы в одну сторону, не колеблясь, не сомневаясь в своем направлении. Сунчеляй же идет то против, то по ветру, то подставив под его потоки кривой и часто ноющий левый бок. Никак не ведут сегодня ноги в сторону редакции.

* * *

Он поднимается ближе к русской части, проходит типографию и Сенную площадь, доходит до серого водного канала со снующими по сторонам канала повозками. *Tir-pir-tir-pir*. На этой параллели города всегда шумно и неуютно, внутри все сжимается, и сам становишься меньше. Сегодня и ветер с особой холодной злостью дует в больное левое ухо.

Спокойствие обычно приходит выше по Петропавловской, там, где и всегда радостный цветастый русский собор, и белоснежные здания университета — небесные дворцы, *kuk saraylar* — сверху вниз смотрят даже на Идель. Сунчеляю нравится гулять вокруг этих как бы нездешних и одновременно таких казанских зданий, нырять в их потайные дворики. Его тянет и на широкую парадную лестницу храма, и пройти между колонн университета, зайти, увидеть, почувствовать, как там внутри. Только не пустят просто так. Да и как бы он смотрелся? Хотя на Воскресенской и живут теперь, и держат свои доходные дома иные зажиточные татары, Сунчеляй в той части города все же не свой. Пусть там и всегда хорошо.

Сегодня особенно холодно, бесприютно: и так не то, и эдак. Он идет туда, сюда, меняет направление. Нет,